

У исторической карты народов мира

МАНСИ

Манси (по переписи 1970 г.— 7,7 тыс. чел.) населяют лесистые районы западной части Ханты-Мансийского национального округа и отчасти северо-восток Свердловской области. В дореволюционной России они были известны под именем «вогулы», или «вогуличи»¹. Но сами манси называли себя «манси махум». Видимо, это древний этноним, возводимый некоторыми лингвистами к слову «*mies*»—«человек». Физический облик манси сочетает в себе некоторые переходные черты между европеоидами и монголоидами. В существующей антропологической классификации этот физический тип получил название «уральский». Язык манси генетически тоже «уральский». Вместе с другими финно-угорскими, а также самодийскими языками он составляет общую языковую семью. Близки к мансийскому языку обских хантов, но еще больше у него общих черт с древним языком венгров (мадьяр). Это говорит о сложности происхождения манси, народа таежного и охотничьего, в фольклоре которого имеются, однако, и южные сюжеты, указывающие, например, на то, что манси был известен культ коня и «небесного всадника». С этим культом было связано ранее применение металлических блюд в ходе обрядов на местах мольбищ. Блюда, хранившиеся на капищах, среднеазиатского происхождения ранней поры (I тыс.). Они наводят на мысль о давней связи предков манси с южным, ираноязычным миром².

Археологические данные позволяют предположить, что основные узлы древнеугорского этногенеза завязывались на широком пространстве — в пограничье леса и степи Обь-Иртышского междуречья, по обе стороны Южного и Среднего Урала и от границ современного Казахстана до северных пределов таежной части Нижнего

Приобья³. Начиная со II тыс. до н. э. у предков угорских народов неоднократно менялись соседи в связи с изменением этнического состава пришлового населения лесостепной полосы Западной Сибири. Сначала это были носители андроновской культуры ранних скотоводов и земледельцев — по происхождению, видимо, индоевропейцы, продвинувшиеся с Нижнего Поволжья, затем, в I тыс. до н. э., ираноязычные савроматы — «приуральские скифы»⁴, а с первых веков нашей эры — различные группы переселявшихся с востока на запад степняков тюркского происхождения⁵. Все эти этнические перемещения как-то влияли на западносибирских угров, в том числе и манси, внося в их жизнь новые элементы.

Ко времени знакомства русских людей с населением Урала (XIV—XV вв.) у манси уже имелись устойчивые границы расселения и сложившийся традиционный уклад хозяйства, культуры и быта. В конце XVI в. они заселяли оба склона Среднего Урала. «Строгановская летопись» указывает на «чюсовских и явненских и инвенских и косвинских вогулич», обитавших по западную сторону Урала вдоль берегов рек бассейна Камы⁶. Жили они и в бассейне Верхней Печоры и, видимо, в промысловых целях часто появлялись в верховьях Вычегды. Но основное место их обитания находилось в Зауралье, по рекам Обь-Иртышского бассейна — от Туры на юге до Сосьвы и Ляпина на севере⁷. Возможно, что до появления в X—XIII вв. в Зауралье татар некоторые группы манси обитали и южнее — по рекам Ница, Исеть и Миаса, — до границ лесостепи, но затем отступили к севе-

³ См. З. Я. Бояршинова. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск. 1960, стр. 22—24.

⁴ Л. П. Лашук. Некоторые аспекты истории древнего скотоводства. «Археология и этнография Башкирии». Т. III. Уфа. 1968.

⁵ «История Сибири». Т. I. М. 1968, стр. 303—304.

⁶ «Сибирские летописи». СПб. 1907, стр. 5.

⁷ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л. 1935. стр. 3—5.

¹ Самые ранние упоминания о «вогуличах» содержатся в «Житии Стефана Пермского» (конец XIV в.) и в летописях: Софийской первой (под 1396 г.) и Вычегодско-Вымской (под 1455 г.).

² В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. В поисках древней родины угорских народов. «По следам древних культур». М. 1954, стр. 191.

ру⁸. В XVII—XVIII вв. русская и коми-зырянская колонизация в Прикамье, по Верхней Вычегде и Печоре привела к резкому сокращению и западных пределов расселения манси, которые, уйдя за Урал, сосредоточились примерно в тех местах, где живут и поныне.

Обитая на обширных пространствах таежной и горно-таежной зоны, манси испокон веков занимались промысловым хозяйством. Источники характеризуют их как традиционных охотников. «А ясачные люди около Верхотурья словут вогуличи, живут кочевьем, а грамоты у них и веры нет, питаюца рыбой и соханым зверем, лосем и оленями, а государев ясак дают собольми и бобры и лисицы и белки»⁹. Охота на крупного зверя производилась посредством луков-самострелов. Лосей и оленей загоняли в «ямы», для чего делали «на выгодном месте загородки верст иногда на 12», по которым животное двигалось в нужном для охотника направлении¹⁰. Для охоты на мелких животных использовались различные ловушки (черканы, пасти), лук и стрелы, которые в XVIII—XIX вв. стали постепенно заменяться кремневыми ружьями. Лыжи и ручная нарта всегда составляли существенную часть снаряжения манси-охотника. Определенную роль в хозяйстве мансийского населения играло рыболовство. Техника его отличалась разнообразием. Помимо различных сетей (их плели из волокон крапивы, а затем из конопля), применялись сплетенные из прутьев, а также крючковые снасти и остроги для ловли рыбы с лодки в ночное время при факельном свете.

Занимались манси и сбором кедровых орехов, ягод, а на юге — бортничеством. Под влиянием тюркского населения у южных манси еще в XIV—XVII вв. получило распространение мясное скотоводство. У тех из них, кто жил в бассейне рек Тура и Косьва, имелись не только лесные пастбища для скота, но и лесные «росчиси» для заготовки сена на зимний период¹¹. Та-

баринские и тавдинские манси держали лошадей. «пашнишки пахали» и давали «хлеб в ясак»¹². Однако земледелие и скотоводство у южных манси играло подчиненную роль, являясь лишь дополнением к охотничье-рыболовецкому хозяйству. Важным подспорьем в хозяйстве северных манси служило оленеводство, появившееся у них, по свидетельству письменных источников, не ранее XV века¹³. До оленей в качестве транспортных животных использовались ездовые собаки. Основной пищей манси были мясо дикого оленя и лося, боровая, водоплавающая дичь, а также рыба. Некоторое разнообразие в пищевой рацион вносили кедровые орехи, дикий мед, а у отдельных групп южных манси и земледельческие продукты — хлеб, картофель, репа.

Жили манси зимой преимущественно в срубных избах — юртах. Мансийская юрта очень похожа на хантыйскую: та же планировка, то же нехитрое внутреннее убранство — стоящий в углу у входа чумал, покрытые оленьими шкурами нары, несколько низеньких скамеек. Однако в отличие от хантыйской, ориентированной нередко дверью к реке, мансийская юрта часто имела выход на южную сторону. В качестве летнего помещения использовался конический берестяной чум. Условия хозяйственной деятельности побуждали охотника-манси вести полуоседлый образ жизни и в зависимости от сезона жить в разных местах: летом ближе к реке, зимой в глубине леса. Мансийские поселения не отличались многолюдьем. Поселок обычно состоял из нескольких юрт, а зачастую юрты находились на расстоянии 3—5 км одна от другой. Такое обстоятельство было вызвано тем, что «северные вогуличи, не имея кроме охоты другого упражнения, принуждены по необходимости расселяться сколь можно одна семья от другой далее, и не жить деревнями, ибо в таком случае не было бы для их прокормления довольно пищи»¹⁴.

Мансийская одежда известна по многим сохранившимся донные образцам. На севере преобладала зимняя глухая одежда с капюшоном (гусь, малица). Женщины носили также «саки» — оленью двойную мехо-

⁸ В. Д. Викторова. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице. «Вопросы археологии Урала». Вып. 4. Свердловск. 1962, стр. 152.

⁹ Цит. по: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. М.-Л. 1960, стр. 161—162.

¹⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. II. СПб. 1770, стр. 327.

¹¹ З. Я. Бояршинова. Указ. соч., стр. 45.

¹² «Сибирские летописи», стр. 326.

¹³ А. М. Золотарев, М. Г. Левин. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. «Проблемы происхождения и пороодообразования домашних животных». Т. I. М.-Л. 1940, стр. 185.

¹⁴ П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 326.

вую шубу с кожаными завязками спереди. Летняя одежда по своему покрою не отличалась от зимней. На юге были распространены рубахи — «суп» у мужчин и халаты у женщин из домотканого крапивного полотна. Штаны (маньсуп) мужские и женские шили из ровдуги (выделанная оленья шкура), рыбьей кожи и холста. Рубахи мужчины подпоясывали ремнем или тканым поясом (энтап), к которому в мешочках привешивались деревянные ножны с узким клинком, оселок и огниво. Головных уборов, кроме шапки-капора, не было ни у мужчин, ни у женщин. Летом мужчины ходили с непокрытой головой, а женщины надевали большие платки. Большинство манси носило короткую обувь — няра, сшитую из продымленных лосиных или оленьих камусов, мехом наружу. Няра надевалась на толстый длинный чулок, сшитый из самодельной ткани или ровдуги. Обувь и одежда украшались разнообразным орнаментом — аппликацией. К началу XIX в. привозные фабричные ткани почти повсеместно вытеснили из обихода ткани домашнего производства.

В XIX в. отчетливо наметилась дифференциация хозяйства манси на промыслово-потребительскую отрасль (мясная охота и рыболовство для собственных нужд) и промыслово-товарную (пушная охота и сбор кедровых орехов), обслуживавшую русский рынок. Это обстоятельство имело двойное последствие для жизни таежных манси. Проникновение торгового капитала в Западную Сибирь привело к резкому усилению эксплуатации местного населения. Тяжелый пушной промысел с дальним отходом поглощал массу времени, оттесняя на задний план потребительский. Мансийские охотники все больше оказывались в кабале у купцов, которым сбывали пушнину и рыбу и у которых покупали пряжу для сетей, оружие, огнеприпасы, а также часть продуктов и материалов для одежды. Но, с другой стороны, входя в более тесный контакт с русскими людьми, манси знакомились с более совершенными орудиями труда, новыми типами построек и предметами домашнего обихода.

Характер хозяйственной деятельности находил отражение в социальной организации манси. Слабое развитие производительных сил на протяжении ряда веков сдерживало процессы имущественной дифференциации. В то же время условия охотничье-рыболовецкого быта содействовали распаду родовых объединений. Ко времени

присоединения манси к Русскому государству род у них расчленился на большие патриархальные семьи, ведшие самостоятельное хозяйство. Жили манси «больше средними семьями, к чему их не так хлебопашество, как зверовые промыслы приучили»¹⁵. Каждая семья как самостоятельная производственная ячейка владела определенными охотничьими угодьями. «Живут они,— писал П. С. Паллас,— обыкновенно по лесам семьями или родней вместе и каждая семья присваивает своему владению столько земли, сколько окрестные семьи за ловлю обьежжать им позволяют»¹⁶. Тем не менее большие семьи манси не были изолированы друг от друга. Согласно документам XVI—XVII вв., они группировались в такие этносоциальные объединения, как «сотни» и «княжества».

Формирование сотенной организации было связано у них, возможно, с прямым воздействием фискальных порядков Сибирского ханства XV—XVI вв., включившего манси в свой состав. Покорив многие мансийские группы, татарский хан и мурза не только взымали с них дань, но нередко «на рать с собой емлет насильством», заставляя воевать против родственных групп, еще не подвластных татарскому ханству и не обложенных ясаком¹⁷. В некоторых местах вводилась татарская военно-административная система, в основе которой лежало деление населения на «сотни» и «десятни». С. В. Бахрушин считал, что вогульские сотни учреждались татарами на основе издавна сложившихся родовых групп¹⁸. Сотню возглавлял сотник, должность которого становилась наследственной. В круг его обязанностей входил сбор ясака.

После разгрома Ермаком Сибирского ханства и присоединения манси к Русскому государству многие сотни (Туринская, Сосьвинская, Ляпинская и др.) были преобразованы в волости. В русских источниках XVII в. многократно упоминаются вогульские «княжества»: Пельмское, Кондинское, Сосьвинское, Ляпинское. Об их со-

¹⁵ И. Лепехин. Дневные записки путешествия. Т. III. СПб. 1771, стр. 20. По мнению З. П. Соколовой, у манси существовала в то время не родовая, а развитая фратриальная организация. См. «Общественный строй у народов Северной Сибири». М. 1970.

¹⁶ П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 326—327.

¹⁷ «Сибирские летописи», стр. 319.

¹⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М. 1955, стр. 101.

циально-политической и этнической природе ведется давний спор. С. В. Бахрушин полагал, что это феодальные образования, другие авторы придерживались иного взгляда, считая общество манси патриархально-родовым¹⁹. И действительно, в мансийском обществе не было достаточных предпосылок для возникновения классов и даже самой примитивной государственно-сти. Это были племенные объединения с едва намечившейся социальной дифференциацией (выделение из общей массы «князцов» и «лутчих людей»). Б. О. Долгих различал 6 племен «вогуличей» в XVI—XVII вв.: Ляпин, Сосьва, Пельым, Большая Конда, Табары и Тура²⁰. У каждого из них имелись своя территория, свои культы, племенные боги и места мольбищ, иногда свой диалект и имя. Однако не все мансийское население может быть распределено между этими образованиями. На юге существовали отдельные группы, племенную принадлежность которых предстоит еще установить.

После присоединения Западной Сибири к Русскому государству манси как этноисторическая общность продолжали существовать в различном административном оформлении. Иногда она соответствовала уезду (Тура, Пельым), в других случаях — большим волостям (Сосьва, Ляпин, Табары, Большая Конда). Однако в течение XVII—XVIII вв. племена у манси постепенно превратились в довольно аморфные территориальные группировки. Власть «князцов» в XVIII в. ограничивалась главным образом прерогативой сбора ясака и судебными функциями. Некоторые исследователи (В. И. Чернецов, В. Штейниц) писали о наличии у манси наряду с племенной организацией двух фратрий — Пор-махум и Мось-махум²¹. Можно говорить о некоторых пережитках фратриальной организации, существовавшей у манси задолго до присоединения к Русскому государству и позднее, в XVIII—XIX вв., находившей пережиточное отражение в брачных отношениях и в религиозных культах.

До Великой Октябрьской социалистиче-

ской революции манси, будучи формально крещеными, сохраняли дохристианские верования, включавшие в себя тотемистические представления, элементы промыслового культа и шаманизм. Вызывает интерес так называемый «медвежий праздник», состоявший из обрядовых действий, которые совершались периодически. Принадлежавшие к определенным родам манси вели свое происхождение от какого-нибудь зооморфного предка. Кроме того, каждый род и каждая семья почитали общеродовых или общесемейных божков (шайтанов), принося им жертвы. Куклы божков изготовлялись из дерева, а иногда из жести или олова. Многие исследователи отмечают существование у манси племенных святынь. Например, сосвинские манси посредством шаманов обращались к своему божку «всей волостью» и приносили ему жертву, «посоветовав всей волостью»²². Промысловые формы культа выражались в магических обрядах и в почитании местных духов — «хозяев». Тайга, реки воображением манси населялись духами, которые были частью благодетельными, помогавшими промыслам, а частью вредными, сбивавшими охотника с пути. В религиозных воззрениях манси существовал образ верховного божества, у других малых народов Севера неизвестный. Это Торым, или Нуми-Торым, который считался создателем мира и человека, но ему не приносили жертв и не молились.

Советская власть дала новую жизнь мансийскому народу. Подобно другим народам Севера, манси вступили на путь социалистического развития. Это был сложный процесс, ибо, как указывалось в решениях XII съезда РКП(б), малые народы были «не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне»²³. Такая помощь всем отсталым народам СССР была оказана со стороны центральных советских органов по многим линиям, в частности путем выделения материальных средств и квалифицированных кадров для хозяйственной и культурно-просветительной работы. В 1924 г. создается Комитет Севера, основная задача которого состояла в том, чтобы всесторонним содей-

¹⁹ Н. Н. Степанов. К вопросу об остяко-вогульском феодализме. «Советская этнография», 1936, № 3.

²⁰ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 338.

²¹ В. Н. Чернецов. Фратриальное устройство обско-югорского общества. «Советская этнография», 1939, № 2; W. Steinitz. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. «Ethnos» (Stockholm), 1938, № 4—5.

²² С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2, стр. 107—109.

²³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2. 8-е изд., стр. 438.

вием развитию малых народов вовлечь их в организованное строительство социализма. У манси советское строительство проходило через организацию Советов, которые первоначально иногда назывались родовыми, а затем стали именоваться сельскими; через организацию кооперативной и государственной торговли, развертывание сети культурных и медицинских учреждений и т. д. С этой целью для северных манси на Сосьве в 1934 г. была организована культбаза Комитета Севера. Были отпущены значительные средства на строительство школ, больниц, жилых домов, на землеустроительные и мелиоративные работы. Русские, а также многие другие народы СССР помогали манси создавать новую жизнь.

Перестройка традиционного быта упрочилась в связи с тем, что разрозненные охотничье-рыболовецкие хозяйства манси организовывались в простейшие производственные объединения (ППО), а затем и в колхозы. При этом происходило укрупнение поселков. Основной производственной единицей у манси ныне является охотничья или рыболовецкая бригада, осваивающая определенный участок в промысловых угодьях колхоза, совхоза или промхоза. В бассейне Северной Сосьвы развернут массовый рыболовецкий промысел. Особые промысловые бригады ежегодно вылавливают сотни центнеров ценнейшей «сосвинской сельди» (тугуна). Наряду с охотой, рыболовством и оленеводством за последние годы получили распространение у манси новые отрасли хозяйства: стойловое животноводство, земледелие и особенно звероводство. Промысловые бригады оснащены современным оборудованием: малым моторным флотом, первоклассными ружьями, железными калканами, капроновыми сетями и т. д. Вместо традиционных юрт строятся типовые срубные дома с печным отоплением и электричеством. В домах появились городская мебель, радиоприемники. Разнообразной стала домашняя утварь. Традиционная зимняя одежда манси, особенно на севере, не потеряла своего значения и сейчас, так как она приспособлена к местным климатическим условиям. Вместе с тем широко вошла в быт одежда фабричного изготовления.

Особенно важные сдвиги произошли в культуре мансийского народа. До революции среди манси почти не было грамотных. В настоящее же время среди молодого и среднего поколения не только нет негра-

мотных, но и сложилась прослойка мансийской интеллигенции — учителей, врачей, технических и творческих работников. Большую роль в этой культурной революции сыграло создание мансийской письменности, на которой издается учебная, политическая и художественная литература. У манси есть собственные писатели и поэты. Среди них выделяются М. Вахрушева, М. Казанцев, Ю. Шесталов. Молодая мансийская литература уходит корнями в многовековые пласты поэтического народного творчества. Особенно славятся мансийские народные сказки про Эквапырысы — легендарного богатыря, интересные не только как жанр народного творчества, но и как этноисторический источник. Манси — музыкальный народ. С давних пор у них распространен сангылтап — щипковый инструмент типа пятиструнной цитры. В домах культуры и клубах многое делается для широкого распространения мансийского музыкального искусства. Систематически проводятся смотры художественной самодеятельности, на которых исполняются национальные песни и танцы. Богато и изобразительное искусство этого народа. Разнообразные узоры украшают одежду, обувь и берестяную посуду. Весьма развита резьба по дереву и кости. Далеко за пределами края известно имя талантливого резчика П. Шешкина. Его произведения можно увидеть в Московском институте художественной промышленности, в Музее творчества народов СССР и в Ленинградском музее этнографии. В 1969 г. на Международной выставке в Монреале экспонировались его работы «Весло невесты» и охотничий пояс из ажурных костяных пластинок.

50-летний юбилей СССР мансийский народ отметил высокими показателями в развитии экономики и культуры. За сравнительно короткий срок манси благодаря братской помощи русского и других советских народов прошли огромный путь, практически миновав почти все социально-экономические формы, лежащие между патриархально-родовым строем и социализмом. Упрочились связи манси с другими братскими народами. Все более уходит в прошлое и забываются шаманство, знахарство, религиозные поверья. Намеченный решениями XXIV съезда КПСС дальнейший подъем экономики Западной Сибири вызовет, несомненно, новый рост материального благосостояния и культурного уровня манси.

В. Г. Бабаков